

Феликс Кохрихт

Я вам пишу...

В далеком нынче 1962 году мне, молодому одесскому журналисту, посчастливилось побывать во МХАТе на спектакле «Милый лжец». Театралы постарше наверняка помнят, что в нем блистали великие «старики» Анатолий Кторов и Ангелина Степанова. Американский журналист Джером Килтс положил в основу пьесы переписку выдающегося английского писателя Бернарда Шоу и знаменитой актрисы Стелы Патрик Кемпбелл.

В середине 70-х мы были очарованы еще одним эпистолярным спектаклем, в котором посланиями обменивались Антон Чехов и Лика Мизинова. Пьеса Леонида Малюгина шла во многих театрах страны, но по общему мнению, лучше всех в ролях великого русского писателя и его confidentки были звезды Московского театра имени Евгения Вахтангова Юрий Яковлев и Юлия Борисова.

В 1978 году в Дрездене увидел свет рампы труд Петера Хакса со сложным и, пожалуй, витиеватым названием: «Разговор в семействе фон Штейн об отсутствующем господине фон Гете». Именно труд, ибо автор совершил титаническую работу: он отыскал письма придворной дамы герцога Веймарского, находившейся в связи с гениальным писателем и мыслителем (замечу, что письма считались уничтоженными согласно завещанию Шарлотты). Прочел их со вниманием и воображением и написал пьесу-монолог, рассчитанную на четырехчасовое сценическое воплощение, в котором блистали лучшие актрисы разных стран.

В 70-90-е годы минувшего столетия мы с Таней часто бывали в ГДР, с удовольствием и пользой ходили в театры – и в берлинские, и в провинциальные, хотя какая же провинция – столица земли Саксония? Все они отличались высоким классом и вопреки

нашим представлениям о тамошней цензуре, ставили что хотели и играли, как заблагорассудится, – я имею в виду самые авангардные режиссерские и актерские приемы того времени. Немаловажно и то, что билеты на спектакли были недорогими даже для нас, имевших в кармане считанные марки.

Мы дружили с художниками Лейпцига и Дрездена, знали и актеров, но спектакля по пьесе Хакса не видели, хотя тот был одним из самых известных поэтов, эссеистов и драматургов ГДР. Может быть, нас смущало, что он считался осно-

воположником социалистического классицизма, – нам хватало и родного аналогичного реализма...

Как оказалось – зря.

Чтобы убедиться в этом, понадобились десятилетия: за это время ГДР и ФРГ объединились в одно государство, а СССР распался на несколько. Совсем недавно в Одессе родился из пепла великолепный Театр кукол, в котором Юрий Невгамонный наконец осуществил свою давнюю мечту. Он создал спектакль по пьесе Хакса с длинным и, пожалуй, все же точным названием, которое вы уже знаете. Но взяв ее за основу, он настолько сместил концептуальные оттенки текстового массива, что речь может идти об авторском театральном представлении в самом полном смысле этого расплывчатого и модного термина. К тому же, Невгамонный сократил сценическое действие с четырех до двух часов, не нанеся ущерба содержанию, а лишь сделав его компактнее.

Смелое решение – он исполняет роль главной героини, произнося ее монологи с глагольными окончаниями женского рода («я написала»), не только естественно, но и закономерно. Для

тех, кому предстоит побывать на спектакле, сразу же замечу: Невгамонный не опускается до амплуа трагедии. Он не надевает женские платья. Не наращивает бюст и бока. Не мучается два часа под тяжеленным париком. Более того, единственный живой персонаж на сцене предстает в образе изящного господина во фраке, жилете, сорочке со стоячим воротом, украшенной галстуком-бабочкой. Он даже чем-то напоминает Гете, но не гения, а чиновника канцелярии герцога Веймарского.

Курсивные «а» означают то, как нужно по-русски произносить сочетание немецких букв «ei».

Впрочем, в такого Иоганна-Вольфганга вряд ли влюбилась бы без памяти придворная дама Шарлота фон Штайн, искусная не только в интригах и политике, но и писавшая стихи, а впоследствии – пьесы. Они встретились, когда ей было 33 года (по тем временам возраст пограничной зрелости), а ему – 26. Практически простолюдин из небогатой франкфуртской семьи, он был талантлив, дерзок, пылок и обладал тем, что сегодня именуется мачизмом.

Супруга обер-шталмейстера (директора герцогских конюшен), мать семерых детей и искатель места при дворе, великий поэт с ничтожным чином... Чем не коллежский секретарь Пушкин и графиня Воронцова?

И тем не менее, несмотря на свой огромный женский опыт и дальновидность, она упала, как говорится, в объятия обольстителя. Их роман длился 14 лет и закончился в тот момент, когда Гете, уже признанный поэт да к тому же ставший советником герцога, задумал жениться на бедной простолюдинке, и разгне-

ванная Шарлота, как ей представлялось – навсегда, отреклась от Гения – так она называл Иоганна-Вольфганга в своих письмах.

Вот эти-то послания (от него – к ней, и от нее – к нему) перебирает тот, у кого нет ни пола, ни возраста, – надевая очки, опираясь на столик, роняя в волнении кофейные чашечку и блюдечко, звоня в колокольчик для вызова прислуги...

И тут необходимо поразиться ошеломляющей актерской выучке Юрия Невгамонного, его экспрессии, пластичности. Удивиться и восхититься сочетанием в его даровании отстраненности, присущей актерам брехтовского театра, и психологической достоверности русской школы.

В начале XX века австрийский врач Отто Вейнингер ошеломил мир своим трактатом «Пол и характер», в котором объяснил, чем же мальчики отличаются от девочек, мужчины – от женщин, оперируя не анатомическими, а психиатрическими терминами. Не стану пересказывать книгу, скажу главное: автор был уверен, что сексуальность – причина всех наших бед... Высказал он это в весьма обидной для дам форме, что сделало книгу скандальной, но некоторые постулаты автора обсуждаются в кругу специалистов и сегодня.

Думаю, что Петер Хакс читал этот труд. Знаменательно и то, что Александр Сокуров в своем шедевре – фильме «Фауст» – представил нам воплощение Вселенского зла, великого искусителя Мефистофеля существом без первичных половых признаков. Это – не падший ангел и не супермен Воланд, а скорее андроид со скверным характером, обиженный на конструктора, лишившего его плотских радостей. Почему режиссер так поступил с протагонистом бога и соблазнителем доктора Фауста – об этом мы размышляли с московскими писателями и редакторами Александром Архангельским, Ириной Барметовой, Игорем Волгиным в кулуарах Международного литературного фестиваля, который в мае проходил в нашем городе. Ждали разъяснений автора сценария фильма Юрия Арабова, но он, к сожалению, по весьма серьезной причине не смог прилететь в Одессу. И каждый из нас остался при своем мнении.

Мне представляется, что одесский спектакль о Гете и Шарлоте мог бы стать одним из моих аргументов в этом споре.

Режиссер-постановщик, автор инсценизации, сценограф и музыкальный руководитель спектакля Юрий Невгамонный танцует танго с куклой (в человеческий рост, да еще и попыхивающей трубочкой!), изображающей супруга Шарлоты Иосифа фон Штейна. Разумеется, во времена Гете не было не только этого знойного танца, но даже и вальса, но как еще выразить невообразимую страсть, овладевающую дамой в летах, от которой возлюбленный уехал в романтическую и опасную для кавалеров Италию? Как тут не вспомнить мадам Грицацуеву, от которой коварно сбежал товарищ Бендер, мечтавший о знойном небе Аргентины, где все танцуют танго...

Из все-таки провинциального Веймара отправился в Рим основоположник классической немецкой поэзии, философ, ученый, художник Гете. В числе прочих его великих заслуг перед человечеством – и возрождение интереса к изучению истории Вечного города. Он был первым из тех, кто на рубеже XVIII и XIX столетий спасал античные памятники архитектуры и искусства не только от забвения, но и от разрушения. В Веймарском доме-музее Гете

мы видели сотни гипсовых слепков со скульптур и рисунки, сделанные поэтом на руинах Римского форума. И вот что поражает – все это гипсовые копии, и ни одного драгоценного оригинала Гете не взял на память, как это делали его современники...

Но обо всем этом не думает тоскующая аристократка фон Штейн. Она лишь чутко прислушивается к звуку рожка почтовой кареты – ждет весточки из Рима. И письмо приходит, и она, не вскрывая конверта, знает, что там: «И о погоде...». Так и заканчивается спектакль – констатацией, которой Шарлота делится с нами: «Истина же состоит в том, что погода зависит от его настроения». Он – это Гете.

В жизни поэта было множество женщин. Последняя любовь (они сошлись, когда ему было 75, а ей – 18) – Ульрика Левецов, пережила Гете на 66 лет и умерла в 1898 году. За два года до начала XX века.

Любопытно, что Иосиф Сталин, желая польстить основоположнику социалистического реализма Максиму Горькому, сравнил его с великим немцем. На титульном листе в общем-то банальной и высокопарной поэмы «Девушка и смерть» он написал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает смерть». Кремлевский горец вовсе не был безграмотен, на мой взгляд, пропущенный мягкий знак в слове «любовь» свидетельствовал о пренебрежении к сути этого понятия. Зато в слове «смерть» он ошибок не сделал.

Но это – уже другая история.

